

с. 3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Малый театр: «Викторъ Павловичъ Пичужкинъ», оперы А. Ф. Фодотова.—Театръ Абрамовой: «Лѣшій», комедія А. П. Чехова.

Сюжетъ новой пьесы г. Фодотова взятъ изъ жизни русской захолустной провинціи. Дѣйствіе происходитъ въ немецкомъ городѣ Развихляйскѣ, взволнованновъ появленіемъ двухъ личностей: Богатой „помѣщицы“ Юліи Львовны Устьмысльской, почти всю жизнь свою прожившей въ Петербургѣ и за границей, и Виктора Павловича Пичужкина, преподрозрительнаго молодого человѣка, Богъ вѣсть откуда взявшагося, неизвѣстно зачѣмъ прѣбывающаго въ Развихляйскѣ, а главное—тщательно скрывающаго свои средства, нагѣренія и самую профессію.

Все это мы узнаемъ въ первомъ дѣйствіи, отъ некакаго чиновника увѣднаго казначейства Маркловскаго и вдовы-полковницы, играющей, повидному, въ Развихляйскѣ роль ходячей газеты.

Маркловскому влѣзаетъ въ голову блажная идея: не обжавшій-ли банкирабитель этотъ Пичужкинъ, а то и не „подпольный“—ли дѣлатель? Не долго раздумывая, онъ рѣшаетъ выслѣдить загадочнаго незнакомца и донести на него куда слѣдуетъ. Рѣшеніе это совершаетъ въ немъ не въ силу сознанія извѣстныхъ гражданскихъ обязанностей, а просто потому, что онъ надѣется получить за доносъ и выдачу преступника болѣе или менѣе приличное вознагражденіе...

Благодаря экспозиціи этого рода, вниманіе зрителя приковывается къ фигурѣ Маркловскаго и не отрывается отъ нея въ теченіи первыхъ трехъ актовъ. Къ концу уже третьяго начинается выясняться, что Пичужкинъ никто иной, какъ „шопіеиг Alphonse“—низкой пробы, улавливающей богатую и глупую женщину (Устьмысльскую),—но это „выясненіе“ только приижеаетъ центральную, повидному, фигуру. Получается мало интересныи анекдотъ. Интересъ все еще на сторонѣ Маркловскаго, такъ что когда авторъ разрѣшаетъ пьесу шаблоннымъ брасокочетаніемъ Пичужкина съ Устьмысльской, — зритель чувствуетъ себя не только неудовлетвореннымъ, но и какъ-бы обиженнымъ: чего это онъ, въ самомъ дѣлѣ, возился дѣлать вечеръ съ совершенно нелюбопытной исторіей, съ цѣлою коллекціей не типовъ, а „типиковъ“, не представляющихъ — каждый въ отдѣльности — никакого интереса...

Авторъ пишетъ на это оправданіе. Вѣдь, онъ даетъ *смысла*, а не комедію. Совсѣмъ другое дѣло, какъ сейчасъ увидимъ, — „Лѣшій“ г. Чехова. Это — комедійная пьеса, претендующая на извѣстную *идею*, фабулу, характеры, законченность...

Представьте-же себѣ, что никакой, рѣшительно-таки никакой фабулы въ пьесѣ г. Чехова нѣтъ, а въ силу этого нѣтъ и никакой законченности, самой пьесы нѣтъ, какъ нѣтъ въ ней характеровъ... Исключеніе — отставной профессоръ Серебряковъ, большой и сдержанный человѣкъ: лицо, хорошо задуманное и талантливо сдѣланное, — да еще, пожалуй, малкій землевладѣлецъ Дядичъ, физическій уродъ, молчаливо прикрившійся съ не веселой жизнью.

Всѣ остальные лица — эскизы. Зрители не въ силахъ заинтересовать эти „обыкновенные“ лица, эта сѣренькая жизнь, эта цѣль плохо связаныхъ между собою, обыденныхъ сценокъ, рассчитанныхъ на повтореніе старой истины, что не слѣдуетъ жить только для себя, — что во „взаимопомощи“ единственное спасеніе для современнаго, разложеннаго общества...

Пьеса „сухо“ написана. Она растянута. Успѣха не имѣла.

К. X
К.